

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-145-166

**Прагматика эпистолярия А. С. Пушкина:
особый взгляд на этикет и вежливость**

Арина Геннадьевна Жукова¹

Ольга Игоревна Северская²

¹ Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина
Москва, Россия

² Институт русского языка имени В. В. Виноградова
Российской академии наук
Москва, Россия

¹ agzhukova@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0222-082X>

² oseverskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

Аннотация

Представлена модель прагматикона «эпистолярной» языковой личности А. С. Пушкина, отразившейся в оценках писем, переписки, адресатов и в языке письма. С помощью корпусных инструментов исследуются композиционные элементы писем и выбор этикетных формул, их жанровые особенности, речевое моделирование образов адресанта и адресата, невербальные элементы переписки, рассматриваются оценочные эпитеты, характеризующие письмо, определяются принципы эпистолярной вежливости. Особое внимание авторы обращают на соотношение пушкинского «эпистолярного кодекса» и норм переписки, отраженных в Письмовниках 1822 и 1877 гг., и видят влияние А. С. Пушкина на развитие эпистолярных стилей, жанров и норм в демократизации официального стиля, различении внешней и внутренней деловой переписки и дружеских писем по делу, в семантическом развитии эпистолярной терминологии.

© Жукова А. Г., Северская О. И., 2025

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 145–166

Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics], 2025, no. 1, pp. 145–166

Ключевые слова

письма А. С. Пушкина, прагматикон языковой личности, эпистолярная норма, вежливость в переписке, корпусное исследование

Для цитирования

Жукова А. Г., Северская О. И. Прагматика эпистолярия А. С. Пушкина: особый взгляд на этикет и вежливость // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 145–166. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-145-166

Pragmatics of A. S. Pushkin's Epistolary: A Special View of Etiquette and Politeness

Arina G. Zhukova¹, Olga I. Severskaya²

¹ Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russian Federation

² Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ agzhukova@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-0222-082X>

² oseverskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>

Abstract

The article presents a model of the pragmaticon of the “epistolary” linguistic personality of A. S. Pushkin, reflected in the assessments of letters, correspondence, addressees and in the language of writing. With the help of corpus tools, the compositional elements of letters and the choice of etiquette formulas, their genre features, speech modeling of images of the addressee and addressee, non-verbal elements of correspondence are studied, evaluative epithets characterizing the letter are considered, the principles of epistolary politeness are determined. The authors pay special attention to the correlation between Pushkin's “epistolary code” and the norms of correspondence reflected in the Letter Books of 1822 and 1877, and see the influence of A. S. Pushkin on the development of epistolary styles, genres and norms in the democratization of official style, the distinction between external and internal business correspondence and friendly letters on business, in the semantic development of epistolary terminology.

Keywords

letters of A. S. Pushkin, pragmaticon of linguistic personality, pragmatics of written communication, epistolary norm, politeness in correspondence, corpus study

For citation

Zhukova A. G., Severskaya O. I. Pragmatics of A. S. Pushkin's Epistolary: A Special View of Etiquette and Politeness. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 1, pp. 145–166. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-145-166

Чтение письмовника долго было любимым моим упражнением. Я знал его наизусть и, не смотря на то, каждый день находил в нем новые незамеченные красоты...

А. С. Пушкин. История села Горюхина

Особенности сохранившейся переписки А. С. Пушкина, как и эпистолярная норма XIX в., зафиксированная в Письмовниках, изучались давно и плодотворно, однако прагматика в контексте конкретной языковой личности до сих пор не рассматривалась. Эту лакуну мы и попробуем восполнить.

Письмовники (сборники образцов писем «государственных» и частных, в разных жанрах делопроизводительной и частной переписки) изучались с точки зрения их роли в культуре и литературе [Григорьева, 2016, с. 68–69; Лешутина, 2006], в формировании эпистолярного речевого этикета [Русанова, 2020], жанрового своеобразия представленных в них писем [Григорьева, 2016, с. 66; Лешутина, 2006, с. 8–9], степени влияния образцовых посланий на манеру ведения реальной переписки [Акимов, 2011].

Эпистолярное наследие А. С. Пушкина также изучено довольно подробно. Отметим прежде всего работу Л. Э. Кайзер [1999] о речевом этикете в письмах А. С. Пушкина: в ней сопоставляются его официально-деловая и частная переписка – с родственниками, с братом и женой, с друзьями – старшими и ровесниками, при этом особое внимание уделяется формам приветствия и прощания, в которых отражается отношение к адресату и его образ. Пристально изучались письма А. С. Пушкина «во власть» [Суровцева, 2020], «дружеские» [Горлова, 2014], к жене и близким [Даниленко, 2012]. Уделялось внимание и незавершенному А. С. Пушкиным «Роману в письмах» [Ермоленко, Третьякова, 2013].

Предпринимая собственное исследование, мы ставили целью отразить своеобразие прагматикона эпистолярной языковой личности А. С. Пушкина в сравнении с нормами до и после пушкинской поры. Поэтому в анали-

зе материала ориентировались на изданный в 1822 г. «Новейший, самый полный и подробный письмовник, или Всеобщий секретарь» (Новейший письмовник, 1822) и «Полный русский письмовник» Сазонова и Бельского (Полный русский письмовник, 1887). Исследование выполнено на материале корпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)¹ с использованием широкого спектра корпусных инструментов и структурно-семантического анализа.

Понятие прагматикона эпистолярной личности

Напомним, что, по Ю. Н. Караулову, прагматикон языковой личности – это система целей, мотивов, интересов, установок и интенциональностей, в том числе элементы метаязыковой рефлексии, разного рода оценки и предпочтения [Караулов, 1987, с. 160].

К элементам эпистолярного прагматикона могут быть отнесены:

а) обязательные композиционные элементы и этикетные жанровые формулы;

б) речевые акты и языковые средства, моделирующие образ адресата (характеристика адресата, похвала, обвинение и т. п.) и образ автора (самохарактеристика, оценка своего душевного состояния, жизненных ситуаций и обстоятельств);

в) способы речевого воздействия на собеседника (договор о принципах переписки);

г) средства невербальной передачи информации.

Рассмотрим эти элементы с точки зрения пушкинского «эпистолярного кодекса», который можно реконструировать как по диагностирующим контекстам самой его переписки, так и по метатекстовым вкраплениям, касающимся ее принципов.

Этикетная вежливость в деловом регистре

Описывая эпистолярные обращения А. С. Пушкина во власть, Е. В. Суровцева подчеркивает, что даже тогда, когда поэт в содержании доходил, по его словам, до «преступных» неприличия и дерзости, в обращении к адресату он оставался весьма почтителен [Суровцева, 2020, с. 113]. В целом нормы установленных образцов деловой переписки (Новейший письмовник, 1822, с. 45–47) им соблюдаются. Но есть нюансы, отражен-

¹ Использовались Основной корпус НКРЯ и корпус «Русская классика», доступные по адресу: www.ruscorpora.ru.

ные в деловой переписке А. С. Пушкина с А. Х. Бенкендорфом, который выступает посредником между подданным и императором, имплицитным адресатом письма. Так, в обращении к А. Х. Бенкендорфу в поисках монаршего дозволения публикации «Бориса Годунова» (от 29 ноября 1826 г.) из двух возможных по этикету обращений – *Сиятельнейший Граф!* и *Милостивый государь!* – А. С. Пушкин выбирает то, которое можно использовать и в дружеской переписке, вместе с обращением по имени-отчеству *Александр Христофорович*; «срединное» же обращение – *Ваше превосходительство* – уже строго соответствует высокому рангу адресата, как и подпись – *Вашего превосходительства всепокорнейший слуга*. Надпись (Псков. 1826. Ноября 29) также соответствует эпистолярной норме времени: «Въ письмахъ къ особамъ почтеннымъ, годъ, мѣсяцъ и число пишутся при концѣ письма противъ своего имени, а въ письмахъ дружескихъ они становятся часто въ самомъ началѣ письма надъ титуломъ» (Новейший письмовник, 1822, с. 51–52). Есть и другие маркеры осознаваемой адресантом субординации: *приемлю смелость просить; мне было совестно беспокоить ничтожными литературными занятиями моими человека государственного, среди огромных его забот*; и приметы официально-делового, канцелярского стиля: поэт *поставляет за долг препроводить рукопись* «Годунова» Главноуправляющему Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. А. Х. Бенкендорф покровительствовал А. С. Пушкину, в обращении с поэтом был корректен и доброжелателен, а тот в ответ называл его Ангелом-Хранителем. И стиль письма, балансирующего между нормами дружеского и официально-делового письма высокопоставленному чиновнику, отражает суть их отношений.

В переписке же не только между друзьями, но и между знакомыми А. С. Пушкин этикетную куртуазность не приемлет и решительно осуждает:

С ума ты сошел, милый Шишков; ты мне писал несколько месяцев тому назад: Милостивый государь, лестное ваше знакомство, честь имею, покорнейший слуга... так что я и не узнал моего царско-сельского товарища. Если заблагорассудишь писать ко мне, вперед прошу тебя быть со мною на старой ноге (Письмо А. А. Шишкову, август-ноябрь 1823 г.)²;

² Здесь и далее фрагменты писем А. С. Пушкина приводятся с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Шрифтовые выделения сделаны нами.

Вот Вам Ваши письма. Должно будет вымарать казенные официальные фразы... (Письмо А. И. Тургеневу. 16 января 1837 г.);

или использует этикетные формулы иронически:

Князь Петр Андреевич, <...> уж не пеняйте, если письмо мое заставит зевать ваше пишущее сиятельство... (Письмо П. А. Вяземскому, 27 марта 1816 г.).

Можно заметить, что тон («направление, с каким письмо излагается по отношению к адресату» (Полный русский письмовник, 1877, с. 2)) в официальных деловых письмах А. С. Пушкина колеблется между «почтительным» и «любезным», развиваясь в сторону большей свободы, подтверждая тем самым рекомендацию: «Письмо есть свободное подражание хорошему разговору» (Новейший письмовник, 1822, с. 3). Интересны и оценки тона пушкинских писем «во власть» – адресатами (*сухи и неприличны*) и адресантом (*зачем же быть им сопливыми? чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее*) в письме В. А. Жуковскому (от 6 июля 1834 г.).

Яркой иллюстрацией «смены кодов» могут быть два письма А. С. Пушкина другу, Н. И. Хмельницкому, который в то время был смоленским губернатором, т. е. официальным лицом высокого ранга:

Милостивый государь
Николай Иванович.

Спешу ответить на предложение Вашего превосходительства, столь лестное для моего самолюбия: я бы за честь себе поставил препроводить сочинения мои в Смоленскую библиотеку, но вследствие условий, заключенных мною с петербургскими книгопродавцами, у меня не осталось ни единого экземпляра, а дороговизна книг не позволяет мне и думать о покупке.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностью честь имею быть, милостивый государь,

*Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.*

Александр Пушкин.
6 марта 1831.
Москва.

Дав *официальный* ответ на *официальное* письмо Ваше, позвольте поблагодарить Вас за Ваше воспоминание и попросить у Вас прощения, не за себя, а за моих книгопродавцев, не высылающих Вам, вопреки моему

наказу, ежегодной моей дани. Она будет Вам доставлена непременно. Вам, любимому моему поэту; но *не ссорьте меня с смоленским губернатором, которого, впрочем, я уважаю столь же, сколько Вас люблю.*

Весь Ваш.

Второе письмо, как нетрудно заметить, представляет собой «перевод» с официального языка на дружеский.

Пушкинские определения писем и переписки

Остановимся на репертуаре эпитетов к слову *письмо* как к факту мета-языковой рефлексии поэта над собственными посланиями и письмами его корреспондентов. Мы выделили около 30 таких единиц, часть из них повторяется неоднократно, некоторые встретились единожды.

Приняв предложенное Н. Д. Арутюновой разделение значений на общеоценочные (отражающиеся в доминантных прилагательных «хороший» и «плохой» и их синонимах) и частнооценочные (дающие оценку объекта с определенной точки зрения) [Арутюнова, 1988, с. 198], заметим, что частные оценки в эпистолярном прагматиконе А. С. Пушкина заметно превосходят общие.

Общеоценочных эпитетов – считанные единицы: *милое, премилое, премиленькое письмо* (при этом *скверных писем* мы не встретили).

Эпитеты же с частнооценочным значением многочисленны и разнообразны. В их ряду можно выделить этическое, нормативное (*порядочное, благоразумное / неблагоразумное, неприличное*); утилитарное (*вдохновительное, дельное / бестолковое*), психологическое (*умное / глупое*), эмоциональное (*сопливое / сухое, пресухое; веселое / грустное, горькое, мрачное, премеланхолическое*) значения, а также значения коммуникативной установки адресанта (*откровенное, решительное*) и впечатления, эмоции читателя (адресата, самого автора и третьих лиц) от эпистолярного текста (*уморительное, смешное, нежное, трогательное, полу-кислое*) и др.

В некоторых случаях эти значения встречаются в одном контексте, совмещая общую и частную оценку, как, например, в характеристике письма Н. Н. Гончаровой в переписке с другом:

Она мне пишет очень *милое*, хотя *бестемпераментное* письмо (П. А. Вяземскому, 5 ноября 1830 г.).

Заметим, что часть приведенных эпитетов – это собственно пушкинское «изобретение»: так, в НКРЯ всего 12 примеров использования прила-

гательного *бестемпераментный*, у прилагательного *вдохновительный* – 36 вхождений, и самые ранние примеры – из пушкинских писем.

Отдельно упомянем эпитеты, отражающие «форматные» характеристики писем: объем и наличие в них деталей и подробностей (*короткое, коротенькое, длинное, подробное*); а также стилистические и жанровые коды (*официальное, партикулярное, частное, дружеское*).

Обратим также внимание на пушкинскую трактовку «официальности». В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: *официальный* ‘должностной, служебный, по казенной службе или по коронному делу; оглашенный и признанный правительством, противополож. *частный*’³, А. С. Пушкин же фокусируется на форме и языке письма, тем самым приближаясь к современной трактовке эпитета. Например, в «Большом универсальном словаре русского языка» под редакцией В. В. Морковкина: *официальный* ‘такой, к-рый употребляется в текстах административных, деловых бумаг, документов, характерен для них, составляет их отличительную черту’; ‘такой, к-рый употребляется в документах в противоположность такому, к-рый используется в обычной, будничной речи’; ‘с соблюдением всех правил, формальностей’⁴.

Что касается жанров писем, то в переписке А. С. Пушкина можно найти большинство из тех, что приводятся в Письмовниках: *уведомительные, увещательные, просительные, содержащие жалобу, содержащие выговор или упрек, извинительные, благодарительные, похвальные, любовные и дружеские*, а также *сатирические, шуточные, остроумные, смешные* (Новейший письмовник, 1822, с. 16–38; Полный русский письмовник, 1877, с. 5–7). Однако особо поэт выделяет два жанра, первый из которых обозначен им окказиональным эпитетом:

Кажется, что судьбою определены мне только два рода писем – *обещательные* и *извинительные*; первые вначале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании (В. Л. Пушкину, 28 декабря 1816 г.).

Вместе с тем делает он это в рамках шуточного письма, которое пишется «только къ самымъ короткимъ пріятелямъ» и при этом не чуждо жела-

³ По электронной версии «Толкового словаря живого великорусского языка Владимира Даля» под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ (СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1912–1914). URL: <https://slovari.ru> (дата обращения 30.11.2024).

⁴ По электронной версии «Большого универсального словаря русского языка» В. В. Морковкина, Г. Ф. Богачевой, Н. М. Луцкой. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka>.

ния «выдумать что-то замысловатое» (Новейший письмовник, 1822, с. 34), с жанровыми приметами *извинительного* и *новогоднего поздравительного* писем:

Тебе, мой дядя, в новый год / Веселья прежнего желанье / И слабый сердца перевод – / В стихах и прозою посланье.

И это не единственный пример «стихопрозы», отличающей письма близким, – в частности, письма-приглашения:

В Троегорском до ночи, / А в Михайловском до света; / Дни любви посвящены, / Ночью царствуют стаканы, / Мы же – то смертельно пьяны, / То мертвецки влюблены. // В самом деле, милый, жду тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками (А. Н. Вульфу, 20 сентября 1824 г.).

Образ адресата в этикетных обращениях

В использовании А. С. Пушкиным этикетных обращений есть интересная закономерность.

В текстах-образцах, представленных в «Новейшем русском письмовнике», для частной переписки рекомендуется форма обращения с эпитетами *дорогой, дорогая. Милый* в этикетной рамке (*Милый друг мой!*) встречается лишь дважды. У А. С. Пушкина же в эпистолярной «*дорогих* людей» крайне мало. Поэт предпочитает обращения с эпитетом *милый*⁵.

Формулы обращения с *милый* в пушкинских письмах весьма разнообразны.

⁵ В «Словаре языка А. С. Пушкина» в 4-х томах (Словарь языка Пушкина, 2000) зафиксировано: прилагательное *милый* в пушкинских текстах употребляется 698 раз (из них в значении «дорогой, любимый, близкий сердцу, душе» – 431 раз, в том числе в качестве обращений, точное число которых не указывается). В НКРЯ в корпусе «Русская классика» обращение с *милый* как элемент этикетной рамки встречается в 107 из 655 пушкинских писем (всего же примеров обращений с *милый* в эпистолярном подкорпусе – 133). Несмотря на то, что в индивидуальном словаре А. С. Пушкина эпитет *дорогой* довольно частотен (зафиксировано 58 словоупотреблений), в значении «милый, любимый» он встречается лишь 18 раз, в позиции обращения – в единичных случаях.

Милый друг:

Прощай, *милый друг*, пиши ко мне, особливо о твоих похождениях в Грузии, и верь дружбе твоего неизменного (Кюхельбекеру, 11 декабря 1823 г.);

Посылаю тебе, *милый друг*, любимое мое сочинение (Н. И. Кривцову, 10 февраля 1831 г.);

Ты не можешь вообразить, *милый друг*, как обрадовался я твоему письму (П. В. Нащокину, сер. марта 1834 г.).

Милый мой друг:

Милый мой друг, ты очень мила, ты пишешь мне часто, одна беда: письма твои меня не радуют (Н. Н. Пушкиной, 16 декабря 1831 г.).

Милый:

Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моем положении (В. А. Жуковскому, 31 октября 1824 г.);

Милый! победа! Царь позволяет мне напечатать Годунова в первобытной красоте... (П. А. Плетневу, 5 мая 1830 г.).

Мой милый, милый мой:

Ты упрекаешь меня в забывчивости, *мой милый*: воля твоя! (П. А. Катенину, 19 июля 1822 г.);

Милый мой, мне совестно ей богу... но тут уж не до совести (П. А. Вяземскому, конец апреля – начало мая 1826 г.).

Милый и любезный:

До свидания, *милый и любезный*. Весь ваш без церемоний (М. П. Погодину, 31 августа 1827 г.).

Милый и почтенный (друг):

Мне жаль, *милый, почтенный друг*, что наделал эту всю тревогу; но что мне было делать? (В. А. Жуковскому, 29 ноября 1824 г.).

Милый + титул:

Милый барон! вы обо мне беспокоитесь и напрасно (А. А. Дельвигу, 20 января 1826 г.).

Милый + имя и отчество:

Милый Яков Николаевич! Приступаю тотчас к делу (Я. Н. Толстому, 26 сентября 1822 г.).

Милый (мой) + фамилия:

Милый Родзянко, твой поклон меня обрадовал; не решишься ли ты, так как ты обо мне вспомнил, написать мне несколько строчек? (А. Г. Родзянке, 8 декабря 1824 г.);

Милый мой Кривцов, помнишь Пушкина? (Н. И. Кривцову, октябрь-ноябрь 1823 г.?).

Милый + эпистолярное имя:

Мне скучно, *милый Асмодей*, я болен, писать хочется – да сам не свой (П. А. Вяземскому, 19 августа 1823 г.).

При этом в подавляющем большинстве это обращения к мужчинам, эпитетами *милая*, *милый друг*, *ангел* А. С. Пушкин называет только жену и сестру. Та же картина с обращениями *моя прелесть* и *моя радость* к адресатам-мужчинам:

...весел-ли ты *моя прелесть* – помнишь-ли нас, друзей твоих (мужеского полу) (П. Б. Мансурову, 27 октября 1819 г.);

Напиши же мне что-нибудь, *моя радость* (П. А. Вяземскому, не позднее 24 мая 1826 г.).

Между тем, как показывает Основной корпус НКРЯ, обращения *моя прелесть* и *моя радость* до и после А. С. Пушкина адресовались практически исключительно женщинам.

Пушкинский эпистолярный кодекс

В письмах А. С. Пушкина много метавысказываний о том, какими должны и не должны быть частные письма, как следует их писать, как следует обращаться с письмами, о его ожиданиях от тех или иных корреспондентов, которые складываются в своеобразный кодекс эпистолярной вежливости.

Важнейшими для поэта оказываются **информативность / неинформативность письма**:

Насилу ты мне написал и то *без толку*, душа моя. Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отсюда прекратилась, а ты пишешь мне, как будто вчера мы целый день были вместе и наговорились до сыта (А. А. Дельвигу, начало февраля 1826 г.);

наличие ожидаемых от адресанта подробностей: хорошее письмо для него – *длинное* и при этом *дельное*.

А. С. Пушкин хвалит (с нежной иронией) жену за *длинное* письмо:

Какая ты умненькая⁶, какая ты миленькая! какое *длинное письмо*! как оно *дельно*! благодарствуй, женка. Продолжай, как начала, и я век за тебя буду бога молить (Н. Н. Пушкиной, 25 сентября 1832 г.);

упрекает брата за слишком короткое письмо:

...письма твои слишком коротки – ты или не хочешь или не можешь мне говорить открыто обо всем – жалею; *болтливость* братской дружбы была бы мне большим утешением (Л. С. Пушкину, 24 января 1822 г.);

а сам извиняется перед братом за долгое молчание и собирается «загладить вину *длинным* письмом и *подробными* рассказами» (Л. С. Пушкину, 24 сентября 1820 г.), обещая впредь «отвечать со всевозможной *болтливостью*» (Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной, 27 июля 1821 г.). *Болтливость* в пушкинском понимании, похоже, не антоним *краткости*, не *многословие*, в эпистолярной практике традиционно порицаемое, а *легкий, непринужденный разговор*, без экономии слов и выражения чувств. Обращает на себя внимание в письмах поэта и соположение *дельности* и *вздора*. Так, ожидая от жены *длинного* и *дельного* письма, он просит:

Пиши мне часто и о всяком *вздоре*, до тебя *косающимся*⁷ (Н. Н. Пушкиной, 14 сентября 1833 г.);

ср. с письмом к брату:

...не благодарю тебя за письмо твое, потому что ты мне *дельного* ничего не говоришь – я называю *дельным* все, что касается до тебя (Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной, 27 июля 1821 г.);

⁶ А. С. Пушкин следует норме своего времени: в НКРЯ встречаются и у других авторов XIX в. формы *умненький*, *миленький*, *добринький* и под.

⁷ В текстах и в Словаре языка А. С. Пушкина представлены варианты написания корня *-кос-* / *-кас-* перед *-а-*, что может говорить о вариативности, сопутствующей становлению нормы.

здесь *вздор* ‘подробности, мелкие детали’. Вместе с тем в других контекстах, когда в письмах заходит речь о журналах и книгоиздании, *вздор* в соположении с *дельностью* приобретает новый оттенок смысла:

Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть *слишком дельными*; стихотворная часть у нас славная; проза м. б. еще лучше, но вот беда: в ней *слишком мало вздору* (М. П. Погодину, 31 августа 1827 г.);

До сих пор наши журналы были *сухи* и *ничтожны* или *дельны* да *сухи*; кажется Европеец первый соединит *дельность* с *заманчивостью* (И. В. Киреевскому, 4 февраля 1832 г.).

Семантику *вздора*, таким образом, можно определить и как ‘несущественные с точки зрения информативности элементы текста, воздействующие на эмоциональную сферу адресата’.

Не менее важен **учет / неучет адресантом потребностей адресата**. А. С. Пушкин нередко упрекает себя за *леность* в переписке, долгое *молчание*, за то, что неаккуратно *отвечал на вопросы*, за *тон* своего письма.

Так, он готов смягчить жесткость употребленных в письме выражений и оправдывается, ссылаясь на причины «немного не того» тона:

Друг мой женка, на прошедшей почте я не очень помню, что я тебе писал. Помнится я был *немножко сердит* – и кажется *письмо немного жестко*. Повторю тебе *помягче*, что кокетство ни к чему доброму не ведет; и хоть оно имеет свои приятности, но ничто так скоро не лишает молодой женщины того, без чего нет ни семейственного благополучия, ни спокойствия в отношениях к свету: уважения (Н. Н. Пушкиной, 6 ноября 1833 г.);

может отказаться от письма, которым недоволен, и писать другое – в должной, с его точки зрения, тональности:

Милый мой ангел! я было написал тебе *письмо* на 4 страницах, но оно *вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое* (Н. Н. Пушкиной, 8 июня 1834 г.);

или корректирует ожидания адресата, объясняя свой тон обстоятельствами:

Пожалуйста *не требуй от меня нежных, любовных писем*. Мысль, что *мои распечатываются и прочитываются* на почте, в полиции, и так далее – охлаждает меня, и я *поневоле сух и скупен* (Н. Н. Пушкиной, 30 июня 1834 г.);

...чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее (В. А. Жуковскому, 6 июля 1834 г.).

Решительно осуждает А. С. Пушкин **отсутствие ответа на письмо и нежелание писать**. И в этом плане очень самокритичен – в его письмах часты признания в собственном несовершенстве:

Я не люблю писать писем. Язык и голос едва ли достаточны для наших мыслей – а перо так глупо, так медленно – письмо не может заменить разговора (Н. И. Кривцову: черновое, июль-август 1819 г.);

Князь Петр Андреевич, // Признаюсь, что одна только надежда получить из Москвы русские стихи Шапеля и Буало могла победить благословенную *мою лень* (П. А. Вяземскому, 27 марта 1816 г.).

Отрицательно оценивается А. С. Пушкиным и **небрежность в указании «реквизитов» письма**, препятствующая коммуникации:

Извините, любезный наш Аристарх, если опять беспокою вас письмами и просьбами; сделайте одолжение – доставьте письмо, здесь прилагаемое, брату моему; *молодой человек* меня забыл и *не прислал мне даже своего адреса* (Н. И. Гречу, 21 сентября 1821 г.);

Сердечно благодарю Вас, любезный Николай Михайлович, Вас и Киреевского за дружеские письма и за прекрасные стихи, *если бы к тому присоветовали [бы] вы еще свои адреса*, то я был бы совершенно доволен (Н. М. Языкову, 18 ноября 1831 г.);

Как твой адрес глуп, так это объединение! *В Псковскую губернию в село Михайловское*. Ах ты, моя голубушка! *а в какой уезд, и не сказано*. Да и *Михайловских сел, чаю не одно*; а хоть и одно, так кто ж его знает. Экая ветренница! (Н. Н. Пушкиной, 29 сентября 1835 г.)⁸.

Почерку тоже нашлось место в пушкинском кодексе «эпистолярной вежливости». Требование «писать опрятно, без помарок» прописывалось в Письмовниках, например: «Почеркъ въ письмѣ есть то, что тѣлодвиженіе и мины въ разговорѣ. Онъ не долженъ утомлять глазъ читателя: одинъ чистой почеркъ можетъ заманить къ чтенію» (Новейший письмовник, 1822, с. 13). И А. С. Пушкин не менее требователен. Так, в уже цитированном письме к А. И. Тургеневу от 16 января 1837 г. просил: «Что вы вставите, то *постарайтесь написать почетче*». Даже мило подтрунивая над почерком друга: «Посуди сам, сколько обрадовали меня *знакомые каракули*

⁸ Напомним, что адрес – указание, кому и куда доставить письмо, как и указание на местонахождение адресанта, был обязательной частью письма: «Общая часть письма суть: надпись, подпись, годъ, мѣсяцъ, число и адресъ» (Новейший письмовник, 1822, с. 14).

твоего пера» (П. А. Вяземскому, 1 сентября 1822 г.), он не отступает от требования четкости: «найди для конверта *ручку почетче твоей*» (П. А. Вяземскому, 29 ноября 1824 г.). И, откровенно радуясь, хвалит адресанта за аккуратность:

Не могу изъяснить тебе моего чувства при получении твоего письма. Твой *почерк опрятный и чопорный*, кишневские⁹ звуки, берег Быка, Еврейка, Соловкина, Калипсо. Милый мой: ты возвратил меня Бессарабии! (Н. С. Алексееву, 1 декабря 1826 г.).

Абсолютное табу в пушкинском эпистолярном кодексе – **нарушение тайны личной переписки**, любой такой факт поэта возмущает, и неважно, кто виноват – близкий человек:

Зачем ты показал Плетневу письмо мое? *в дружеском обращении, я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами...* (Л. С. Пушкину, октябрь 1822 г.),

или лицо публичное:

Что это со мною делают журналисты! Булгарин хуже Воейкова – *как можно печатать партикулярные письма – мало ли что мне приходит на ум в дружеской переписке – а им бы все и печатать. Это разбой*; решено: прерываю со всеми переписку – не хочу с ними иметь ничего общего (Л. С. Пушкину, 1 апреля 1824 г.).

Нередко А. С. Пушкин дает прямые указания о соблюдении тайны переписки своему адресату:

Пожалуйста *не показывай этого письма никому, даже и друзьям моим* (разве переписав уже)... (А. А. Дельвигу, сер. декабря 1824 г.).

А. С. Пушкин **солидарен с** отраженной в Письмовнике **нормой разумного использования заимствований**: «Въ письмахъ не должно забывать выражений, сообразныхъ съ правилами отечественнаго языка. Хотя и позволено иногда, съ крайнею однакожь бережливостію и благоразуміемъ, употреблять нѣкоторые иностранные обороты въ словахъ» (Новейший письмовник, 1822, с. 8). «Ругает» адресата за французский в частной переписке:

⁹ А. С. Пушкин последовательно выдерживает написание через «е» в словах *Кишнев, кишневский*. В корпусе «Русская классика» такое написание встретилось нам и у Л. Н. Толстого. Возможно, перед нами рефлекс «старшей» нормы.

...как тебе не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина (Л. С. Пушкину, 24 января 1822 г.);

просит:

...пожалуйста не приправляй писем своих французскими фразами (В. К. Кюхельбекеру, 11 декабря 1823 г.);

сам извиняется даже за кальку этикетного выражения:

Милостивый государь, Сергей Николаевич, // Искренно благодарю вас за любезное письмо Ваше (извините галлицизм) (С. Н. Глинке, не позднее 26 марта 1836 г.),

ср. с рекомендуемой в «Новейшем письмовнике» формулой: *Je vous remercie sincèrement pour votre aimable lettre*. При этом различает частную и официальную переписку: «Пишу по франц., потому что язык этот деловой и мне более по перу» (В. А. Жуковскому, не позднее 24 апреля 1825 г.). Напомним, в XIX в. французский язык использовался в деловой коммуникации, в частности в переписке дипломатов, и в многонациональной среде был удобным *lingua franca* и более подходящим средством коммуникации, чем русский, а А. С. Пушкин служил в Коллегии иностранных дел, а затем в архивах МИДа, где и постигал искусство официальной переписки, в том числе с иностранцами.

При этом в письмах А. С. Пушкина довольно много иноязычных вкраплений – это и **общепринятые à propos, etc., цитаты:**

я как Артур Потоцкий, которому предлагали рыбу удить: *j'aime mieux m'ennuyer autrement* (П. А. Плетневу, 11 апреля 1831 г.);

крылатые слова:

Благодарю за подробное донесение, знаю, что долг платежом красен, но *non erat his locus...* Прощай, Эсхил, обнимаю тебя, как поэта и друга... (П. А. Катенину, 19 июля 1822 г.);

апелляции к культурному стереотипу:

У меня сегодня *spleen* – прерываю письмо мое, чтоб тебе не передать моей тоски; тебе и своей довольно (Н. И. Кривцову, 10 февраля 1831 г.),

ср.:

У меня решительно *сплин*. Скучно жить без тебя и не смей даже писать тебе все, что придет на сердце... (Н. Н. Пушкиной, 8 июня 1834 г.),

а также вспомним «аглицкий *сплин*» в сопоставлении с «русской *хандрой*» в «Евгении Онегине». Использует А. С. Пушкин и **митигационный потенциал заимствования**:

Не можешь вообразить, как неприятно получать проколотые письма: так шершаво, что не возможно ими подтереться – *aput* расцарапаешь (А. Н. Верстовскому, втор. пол. ноября 1830 г.);

Всеволожский *le cossi* (вместо *рогоносец*. – А. Ж., О. С.) (Н. Н. Пушкиной, 2 сентября 1833 г.).

Письмо – источник эстетического и интеллектуального наслаждения

Пожалуй, самым главным ожиданием А. С. Пушкина от переписки было удовольствие, ощущение диалога с единомышленником. И это явно выражается в похвалах пишущим письма:

Сей час возвратился из Кишенева и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю, как тебя благодарить <...> *Разговор прелесть, как мысли, так и блистательный образ их выражения. Суждения неоспоримы. Слог твой чудесно шагнул вперед...* (П. А. Вяземскому, нач. апреля 1824 г. Одесса).

Наслаждение письмом характеризуется им прежде всего как интеллектуальное и эстетическое:

Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно *оживляют* меня, как умный разговор, как музыка Россини <...> как похотливое кокетство италианки (П. А. Вяземскому, 14–15 августа 1825 г.);

Я без твоих писем глупею: это нездорово, хоть я и поэт (П. А. Вяземскому, не позднее 24 мая 1826 г.).

Нам видится в так постулируемом А. С. Пушкиным удовольствии и наслаждении от писем нечто близкое к бартовскому «удовольствию от текста» – написанного и читаемого [Barthes, 1973], о котором заговорили значительно позже.

Выводы

Известно определение А. С. Пушкиным эпистолярия как «почтовой прозы», применимое и к лучшим образцам писем пушкинской поры [Ле-

шутина, 2006, с. 16]. Эпистолярный же кодекс поэта, выявляемый на основе метаязыковых высказываний о письмах и переписке, демонстрирует своего рода «почтовую критику».

Как можно было заметить, этот кодекс современнее предложенного Письмовниками до- и послепушкинской эпохи: фактически он устанавливает новую норму. А. С. Пушкин вводит в эпистолярный узус практически сегодняшний «тренд» демократизации официально-деловой речи и разграничения внешней и внутренней деловой переписки, писем деловых и частных – по делу, а также выдвигает требование «заботы об адресате», характерное не для пушкинского, а для нашего времени.

Семантика употребляемых им «эпистолярных» эпитетов также опережает словарную фиксацию XVIII–XIX вв. и максимально приближена к современным словарным толкованиям.

Проведенное исследование позволяет назвать и основные прагматические установки «эпистолярной» языковой личности А. С. Пушкина, такие как особая ценность теплых, интимно-дружеских отношений и связей, стремление маркировать их характерным для «дружеского» письма тоном и особыми обращениями; опора на родной язык и его семантический потенциал; целесообразность в использовании иноязычия; «дельность» частных писем, дополненная «вздором», деталями, создающими эмоциональную связь, и проявляющаяся как в содержании, так и в оформлении письма, способствуя полноценной реализации его коммуникативной и «отношенческой» функций.

Письма для А. С. Пушкина имеют особую ценность: это «письменный долг дружбы», письмо – разговор, беседа, связь с миром, свидетельство отношений, творческая лаборатория.

Список литературы

Акимова Т. П. Отражение конвенций эпистолярного общения в русском частном письме: опыт коммуникативно-прагматического описания // Учен. зап. Забайкальского гос. гуманит.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. № 2. С. 7–10.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.

Горлова Г. Н. Речевой жанр «дружеское письмо» в контексте проблемы формирования русской речевой культуры // Гуманитарные исследования. 2014. № 4. С. 38–43.

Григорьева Т. М. «Движущая, раскрытая исповедь» (история русской эпистолярной культуры пунктиром) // *Филология и человек*. 2016. № 2. С. 63–72.

Даниленко В. П. Блеск остроумия А. С. Пушкина в письмах к П. А. Вяземскому и Н. Н. Пушкиной // *Вестник ИГЛУ*. 2012. № 4. С. 211–217.

Ермоленко С. И., Третьякова О. В. «<Роман в письмах>» А. С. Пушкина: «новые узоры» по «старой канве» // *Урал. филол. вестник*. 2013. № 1. С. 22–39.

Кайзер Л. Э. Речевой этикет в письмах А. С. Пушкина // *Культура и текст*. 1999. № 5. С. 47–60.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 168 с.

Лешутина И. А. Константы и переменные русской «почтовой прозы» первой трети XIX столетия: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГОУ, 2006. 34 с.

Русанова С. В. Речевой этикет письменной деловой коммуникации XVIII в. как лингвокультурный феномен и объект научного изучения // *Учен. зап. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого*. 2020. № 1. С. 1–4.

Суровцева Е. В. Письма во власть в эпистолярном наследии А. С. Пушкина // *Изв. Юж. Федерал. ун-та. Филологические науки*. 2020. № 3. С. 112–119. DOI 10.18522/1995-0640-2020-3-112-119

Barthes R. *Le plaisir du texte*. Paris: Seuil, 1973. 105 p.

Список источников

Новейший, самый полный и подробный письмовник, или Всеобщий секретарь: В 4 ч. СПб.: Типография императорских театров, 1822. URL: https://imwerden.de/pdf/pismovnik_ch1-2_1822_text.pdf (дата обращения 30.11.2024).

Полный русский письмовник. Сборник образцовых писем, деловых бумаг и коммерческой переписки: В 4 ч. / Сост. Сазонов и Бельский. СПб.: Типолитография Х. Ш. Гельперн, 1887. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2572904/ (дата обращения 30.11.2024).

Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. URL: <https://slovari.ru> (дата обращения 30.11.2024).

References

Akimova T. P. Otrazhenie konventsii epistol'yarnogo obshcheniya v russkom chastnom pis'me: opyt kommunikativno-pragmaticheskogo opisaniya [Reflection of conventions of epistolary communication in Russian private letter: an experience of communicative-pragmatic description]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Proceedings of the Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University. Series: Philology, history, oriental studies], 2011, no. 2, pp. 7–10. (in Russ.)

Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt [Types of linguistic meanings. Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka, 1988, 339 p. (in Russ.)

Barthes R. Le plaisir du texte. Paris, Seuil, 1973, 105 p.

Danilenko V. P. Blesk ostroumiya A. S. Pushkina v pis'makh k P. A. Vyazemskomu i N. N. Pushkinoi [The Brilliance of A.S. Pushkin's Wit in Letters to P. A. Vyazemsky and N. N. Pushkina]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Irkutsk State Linguistic University], 2012, no. 4, pp. 211–217. (in Russ.)

Ermolenko S. I., Tretyakova O. V. “<Roman v pis'makh>” A. S. Pushkina: “novye uzory” po “staroi knave” [“<A Novel in Letters>” by A. S. Pushkin: “New Patterns” on the “Old Canvas”]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Ural Philological Bulletin], 2013, no. 1, pp. 22–39. (in Russ.)

Gorlova G. N. Rechevoi zhanr “druzheskoe pis'mo” v kontekste problemy formirovaniya russkoi rechevoi kul'tury [The Speech Genre “Friendly Letter” in the Context of the Problem of Formation of Russian Speech Culture]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian Studies], 2014, no. 4, pp. 38–43. (in Russ.)

Grigoryeva T. M. “Dvizhushchaya, raskrytaya ispoved” (istoriya russkoi epistol'yarnoi kul'tury punktirom) [“Moving, Revealed Confession” (a dotted history of Russian epistolary culture)]. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], 2016, no. 2, pp. 63–72. (in Russ.)

Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka, 1987, 168 p. (in Russ.)

Kaizer L. E. Rechevoi etiket v pis'makh A. S. Pushkina [Speech etiquette in the letters of A. S. Pushkin]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 1999, no. 5, pp. 47–60. (in Russ.)

Leshutina I. A. Konstanty i peremennye russkoi "pochtovoy prozy" pervoi treti XIX stoletiya [Constants and variables of Russian "postal prose" of the first third of the 19th century]. Abstract of Philol. Dr. Sci. Diss. Moscow, 2006, 34 p. (in Russ.)

Rusanova S. V. Rechevoi etiket pis'mennoi delovoi kommunikatsii XVIII v. kak lingvokul'turnyi fenomen i ob'ekt nauchnogo izucheniya [Speech Etiquette of Written Business Communication in the 18th Century as a Linguocultural Phenomenon and an Object of Scientific Study]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo* [Proceedings of the Yaroslav the Wise Novgorod State University], 2020, no. 1, pp. 1–4. (in Russ.)

Surovtseva E. V. Pis'ma vo vlast' v epistolyarnom nasledii A. S. Pushkina [Letters to the authorities in the epistolary heritage of A. S. Pushkin]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta Filologicheskiye nauki* [Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences], 2020, no. 3, pp. 112–119. (in Russ.)

List of Sources

Noveishii, samyi polnyi i podrobnyi pis'movnik, ili Vseobshchii sekretar' [The newest, most complete and detailed Letter Book, or the General Secretary]. St. Petersburg, Printing House of the Imperial Theatres, 1822. URL: https://imwerden.de/pdf/pismovnik_ch1-2_1822_text.pdf (in Russ.) (accessed 30.11.2024).

Polnyi russkii pis'movnik. Sbornik obraztsovykh pisem, delovykh bumag i kommercheskoiperepiski Sazonova i Belskogo [Complete Russian Letter Book. Collection of model letters, business papers and commercial correspondence by Sazonov and Belsky]. St. Petersburg, Typographical Printing House of H. Sh. Gelpern, 1887. (in Russ.) URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_2572904/ (accessed 30.11.2024).

Vinogradov V. V. (ed.). Slovar' yazyka Pushkina [Dictionary of Pushkin's language]. In 4 vols. 2nd ed., suppl. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. (in Russ.) URL: <https://slovari.ru> (accessed 30.11.2024).

Информация об авторах

Арина Геннадьевна Жукова, кандидат филологических наук, доцент
Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук

Information about the Author

Arina G. Zhukova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Olga I. Severskaya, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 21.01.2025;
одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 11.02.2025
The article was submitted on 21.01.2025;
approved after reviewing on 11.02.2025; accepted for publication on 11.02.2025*